

вым, безмолвным казалось мне это пламеневшее над нами ночное небо далекого края.

По берегам реки подходила близко к нашему пути сплошная стена «тойболов», вековых лесов, простирающихся на тысячи верст, еще не тронутых человеком.

Здесь я впервые увидел эти богатейшие месторождения нефти, которые теперь затмили собой начинающие иссякать бакинские источники.

Нефть стояла просто озерами, наполнявшими собой углубления почвы, насыщенной этой жидкостью на большую глубину, отсвечивавшей мутным жирным блеском и пропитавшей воздух на далекое расстояние своим запахом. Проводник из зырян, взятый нами с последней станции, рассказывал, что в нескольких зырянских и самоедских поселениях в этом крае туземцы просто ведрами черпают это горючее масло и жгут его в своих светильнях в избах и юртах.

— Чорт возьми, вот так картина, — как-то промолвил созерцавший вместе со мной это зрелище мой спутник по экспедиции, которого я до сих пор почти не замечал в нашей пестрой компании, состоявшей из людей самых различных специальностей, национальностей и внешности. Тогда я впервые взглянул в него пристальнее, и меня сразу поразили его глубокие голубые глаза, сиявшие таким ровным теплым светом, что от взгляда их становилось уютнее на душе.

— Да, — ответил я. — И удивительнее всего то, что сведения об этих богатствах давно были известны, и недостатка в работниках, веривших в судьбу края, не было, — и все же до сих пор все это лежало нетронутым.

— А вы думаете, что здесь богатые запасы?

— Наверное сказать не могу, но уже то, что мы видим, дает основание предполагать неисчерпаемые возможности.

— Вы, конечно, не ошибаетесь, — присоединился к нашему разговору высокий плотный человек в меховой шапке и сапогах торбасах, которого я знал как старого нефтепромышленника, специалиста, ехавшего с нами в качестве эксперта.

В тоне его голоса послышалась усмешка, заставившая меня прислушаться.

— Вы говорите, как будто за этими словами прячете заднюю мысль, — сказал я.

— Какую там заднюю мысль, — просто вылезло наружу шило, которое так долго и, надо сказать, успешно прятали в мешке. Мне и стало смешно человеческой глупости.

Я пропустил мимо ушей последнее замечание и попросил собеседника разъяснить его слова.

— Конечно, причина неиспользования до сих пор этих богатств лежала в невозможности преодолеть отсутствие путей сообщения. Ну, и лень наша российская этому помогла.

— Вы думаете — только? — хитро подмигнул глазом наш спутник.

— А знаете ли вы, что, как только стало известно об ухтинской нефти еще в XIX столетии, так весь этот округ перешел в собственность некоего вельможи, монополизировавшего таким образом возможность разработки и не ударившего для этого пальцем о палец? И известно ли вам, что уже в двадцатом веке, перед революцией семнадцатого года, теми, кому это было нужно, принимались специальные меры, оплачивалось негласно молчание печати по поводу ухтинской нефти?.. Как видите, тут виновато не только бездорожье, суровый климат и лень человеческая.

Глаза Морева вспыхнули гневом.

«Экая непосредственная натура», — подумал я.

— Что за мерзость! — вырвалось у него. — Неужели это могло быть в самом деле?

— Что же тут особенного? Обычный прием подавления конкурента, вдобавок еще не существующего, так сказать, потенциального.

Я промолчал. Я вообще не очарован людьми. Боюсь, что кое-чем они больны безнадежно.

— Да только ли это здесь заслуживает внимания? — продолжал наш осведомитель. — Я десять лет провел в этом крае, исколесил его вдоль и поперек и узнал многое, что заставит вас подумать и о бестолковости и о жадности человеческой.

Через несколько дней после этого мы были втроем в зырянском селении на берегу Ухты.

Никита Потапыч (так звали нефтяника) повел нас к своему знакомцу, зажиточному зырянину, зверолову и немного земледельцу, как и большинство в этом крае. Это был среднего роста коренастый мужик с окладистой бородой, которого я не отличил бы от нашего костромича или ярославца.

Он сдержанно и с большим достоинством поздоровался с Никитой Потапычем, потом протянул и нам свою широкую руку.

Говорил он мало, видимо взвешивая слова, но то, что говорил, звучало убедительно.

— А ну-ка, Петрович, покажи нам свои сокровища, — сказал Никита Потапыч, похлопав его по спине.

Хозяин слегка повел плечом, незаметно освобождаясь от прикосновения гостя, и процедил лениво и нараспев:

— Да, что шутишь, Потапыч, какие сокровища... так, глупость одна.

— Не жмись, дядя... ты меня знаешь. Под начальство не подведу... А вот моим приятелям интересно посмотреть здешние диковинки.

Старик поддался не сразу. Наконец, вероятно успокоенный словами Никиты Потапыча и нашим мирным видом, прошел в заднюю горницу и вынес оттуда деревянный раскрашенный и окованный железом ларец, поставил его на стол, аккуратно стер с него пыль, любовно потрогал рукой и, наконец, щелкнул замком.

Под крышкой на черной замше лежал мутно-белый круглый предмет, величиной с грецкий орех, и рядом еще два таких же поменьше; в другом отделении поблескивал небольшой слиток беловатого металла.

Я не верил своим глазам.

— Послушайте, или я брежу, или это — жемчуг.

Никита Потапыч ухмыльнулся.

— А вы спросите Петровича, откуда он его да вот этот кусок серебра заполучил... Ну, ладно, из него сразу слова не выжмешь. Это сын его на одной из здешних рек подцепил на жемчужной ловле; и серебряный самородок из наших месторождений — верстах в двухстах отсюда. Да не думайте, что он это из барышей делает, нет... Это он себе этакий, ну как его — музей собирает: любит свой край старичина.

Я переводил глаза с одного на другого, думая, не морочат ли меня, но обмануться было невозможно.

Правда, жемчужина была не совсем чистая — с желтоватым оттенком и с порядочным изъяном в одном месте, но величина ее меня поразила.

Две же меньшие были прекрасного качества и, вероятно, высокой ценности.

Слиток серебра был весом фунта два.

— И вы говорите, что все это местного происхождения?

— А вы как думаете? Вам и не снилось еще, какие здесь сокровища зарыты. Только бери. Ну, теперь, кажется, проснулись у нас. Хотя кое в чем, пожалуй, уже и поздно.

Вечером мы долго еще беседовали о виденном, и Никита Потапыч рассказал нам о богатствах края, о ловле жемчуга на Керети, о свинцовых и серебряных рудах, о промысле трески на Мурмане, обо всем, что довелось ему видеть за время своих скитаний по Северу.

Все эти сокровища либо лежали еще втуне, либо разрабатывались самым примитивным, хищническим способом, как велось по-старинке.

— Взять вот к примеру хоть бы этот жемчуг. Вас удивила его величина... Правда, теперь уже вы таких ни в Керети ни в других реках не найдете, да и вообще он реже становится. Так, мелочь больше попадает, не стоящая внимания. А ведь старики помнят еще здесь особое правительственное узаконение, которым предписывалось найденные жемчужины величиной в воробьиное яйцо сдавать по начальству и лишь более мелкими разрешалось распоряжаться владельцам по их усмотрению. Вот как, батюшка. Да тут вся эта добыча испокон веку таким хищническим способом велась, что сейчас, почитай, ничего уже и не осталось.

Рассказывал Никита Потапыч и о ловле трески на Мурмане, когда, по его словам, выходя в море флотилией навстречу стае, рыбаки пробуют густоту ее, всовывая весло в эту живую, движущуюся кашу; и если весло стоит торчком, не может двигаться в сплошной массе рыбы, — стая считается достойной внимания, и начинается лов.

Долго сидели мы на завалинке у избы Петровича под бледными лучами ночного солнца и слушали эту сказку-быль. С окраины деревни доносились звуки хорового пения, удивительно стройного и мелодичного.

Юрий Павлович заслушался и сделал нам знак прекратить разговор.

Грустные и наивно-простые аккорды, от которых веяло силой и печалью, таяли в прохладном воздухе.

— Кто это поет? — спросил он.

— Это? Парни наши собрались. Они часто так душу отводят.

— Как хорошо!

— Да. Впрочем, это что — нынче уже все не то. Вот, бывало, в старину мы певали; к нам из большого города приезжал какой-то толстый усатый, на бумагу записывал.

Надо сознаться, я в музыке очень слаб и всегда утешался мыслью, что кто-то из великих ученых (кажется, Дарвин) называл ее «наименее неприятным из шумов». Все же и я заслушался, ощутив мимолетное чувство щемящей грусти.

Мы продолжали работу в партии.

Морев оказался прекрасным техником-геодезистом и целыми днями работал на изысканиях и съемках, иногда отделяясь от нас на недели.

Я в качестве геолога занимался исследованием почвы, залегания нефтеносных слоев и других ископаемых и благословлял судьбу, пославшую мне работу в крае, который мы должны были оживить и приобщить к миру.

И вместе с тем за это время я все больше сходил с Юрием.

В сущности это было странно. Трудно было найти двух людей, более неподходящих характерами. Я человек реалистического мировоззрения, лишенный романтики, не отзывающийся на музыку, верящий только в силу человеческой мысли, с очень слабой эмоциональной стороной — словом, сухарь.

А Юрий — мягкая, почти женственная натура; человек с большим музыкальным чувством; влюбленный в свое дело, кажется, ни на что не способный, что не касалось теодолитов, нивелиров и прочей прелести его ремесла.

И все-таки мы все больше и больше сживались, понемногу привязываясь друг к другу. У меня этот процесс всегда идет медленно, — я с трудом сближаюсь с людьми; Юрий, наоборот, открыто показывал мне свою симпатию.

Как бы то ни было, когда кончилась наша работа и партия вернулась в Москву, везя подробно разработанный проект прокладки пути и отчет об исследованиях, мы с Моревым оказались связанными глубокой и прочной приязнью.

ГЛАВА II

Известия из Америки

Еще во время пребывания в Мохче до нас дошли известия, повергшие всех в немалое изумление и заставившие только пожать плечами. Это были сообщения из штата Вирги-

ния ¹ о странных массовых психических заболеваниях, охвативших некоторые населенные пункты.

Все это приправлялось сногшибательными подробностями и скорее напоминало проспект какого-нибудь детективного кино-романа, чем сообщения серьезной печати.

Удивительны эти газетные утки!

Нам под полярным кругом, среди безмолвия северной ночи, среди снегов и льдов мертвого царства, под беззвучными переживаниями сполохов, — эти известия казались особенно невероятными. Может быть, потому они и привлекали внимание и заполняли наши унылые зимние вечера.

В телеграммах под чудовищными подзаголовками, напоминающими рекламы патентованных средств, сообщались не менее чудовищные подробности.

«Эпидемия ужаса в Роаноке!»

«Население покинуло город под давлением обуревавшего всех беспричинного страха! Жизнь замерла! Банки закрыты! Торговля прекращена! Угроза голода!»

И так далее в том же роде.

В другой телеграмме в не менее трескучих фразах сообщалось о массовой эротической эпидемии, охватившей Атланту и соседние селения. Население нескольких городов подверглось дикому эротическому возбуждению. В домах, на улицах, в театрах, в кинематографах, где бы только ни собирались люди, творились не поддающиеся описанию вакханалии. Возникали убийства и самоубийства на романической почве. Происходило нечто несообразное ни с какими законами здравого смысла.

Газеты давали понять, что, не желая шокировать читателей, вынуждены опускать многие подробности.

И в результате — те же сообщения аршинными буквами:

«Жизнь замирает! В городе паника!»

Лучшие психиатры выехали на места для выяснения причин диких эпидемий и для борьбы с ними, но исследования не привели ни к чему, и сами врачи были немедленно охвачены общим безумием.

¹ Штат в Сев. Америке.

Еще несколько сообщений такого же рода поступило в разное время из юго-восточной части Соединенных Штатов: из Виргинии, Георгии, Алабамы, Кентукки.

В последнем разыгралась религиозная мания, затронувшая широкий округ, выдвинувшая немедленно ряд пророков и проповедников, собиравших громадные толпы людей, бросавших самые неотложные дела, наполнявших церкви, места молитвенных собраний, составлявших многотысячные митинги под открытым небом и как будто вовсе забывших о земном и с бурной страстью отдававшихся молитве, в ожидании немедленного Страшного Суда.

Эти известия появлялись в течение всей зимы, весны и лета и в конце концов до того разожгли любопытство, что стали главной темой всех наших разговоров.

Мы, с увлечением работавшие до сих пор, теперь тосковали в своей заброшенности, словно и нас за тысячи верст коснулась эта зараза, стремились скорей кончить свое дело, чтобы окунуться в кипение этого человеческого муравейника.

Менее других всем интересовался Юрий. Это и не удивительно. Большинство из нас в партии были дети большого города, зараженные его недугами, привязанные к нему нитями нашего мозга, всем существом. Кто вкусил этот яд, тот уж никогда не излечится и будет тосковать по шуму и грохоту города, по его искусственным солнцам, затмевающим настоящее, по его бешеной скачке, пляске, по толпам, кипящим на бесчисленных улицах, по неумолкаемому кипению жизни.

Морев же не был городским жителем.

Детство он провел где-то на Урале, где отец его работал не то на заводе, не то на железной дороге, а все остальное время только и делал, что скитался в изыскательских партиях по степям Средней Азии, по горам Кавказа, Урала, или, как теперь, по зырянским тундрам.

Поэтому Юрий меньше всех интересовался сенсациями и, кажется, считал их исключительно газетными утками.

Наконец, к началу зимы мы кончили свое задание и, оставив на месте рабочую партию для постройки большой силовой станции для будущего обслуживания всего района разработок, по только-что установившемуся санному пути направились на Котлас, нагруженные целым ворохом планов, проектов, вариантов, смет и отчетов.

В Москве мы все разбрелись. Морев сразу уехал в Ленинград, где у него была какая-то родня, а я надолго застрял в столице, участвуя во всевозможных комиссиях, заседаниях, собраниях и съездах, организованных Центральным управлением разработок Севера.

Дело двинулось сразу необычайным темпом. Широко освещенное общественное мнение откликнулось на призыв правительства; подписка, открытая на специальный заем, была покрыта в течение двух месяцев.

Я с головой окунулся в кипучую деятельность. На моих глазах из бесчисленных колонн цифр, из заказов на машины, орудия, из осуществляемых смет, из армии командруемых работников, — вставал вызванный из мертвого сна, из летаргии, богатый обширный край.

Все это не мешало мне уделять много внимания так заинтересовавшим меня еще в Мохче известиям из Америки.

Как это ни странно, они оказались справедливыми. Конечно, наполовину, если не больше, газетами было прибавлено, но и того, что осталось, было более чем достаточно.

В целом ряде городов и местечек штата Георгии и с ним близких действительно разразился ряд массовых психических заболеваний, настолько сильных, что они внесли серьезное расстройство в обычный ход жизни.

И даже сведения о бегстве жителей из Роанока и самоубийствах в Атланте были не лишены оснований. Хотя и не в таких размерах, как говорилось в газетах, однако под влиянием безотчетного внутреннего беспокойства, близкого к страху, жители в большом количестве покидали город, наполняя окрестные местечки, деревни и фермы тревожными слухами, не имеющими никаких оснований, схватываемыми бессознательно в оправдание своего беспричинного бегства.

Обо всем этом читались лекции известными психиатрами, появлялись статьи в журналах и отдельные монографии, пытавшиеся пролить свет на странные явления.

Мнения разделились на два лагеря. В одном полагали, что эти психические заболевания — печальный прогноз. Человечество катилось в пропасть. Дошедшее до пределов своего интеллектуального развития, оно стало жертвой слишком утонченной нервной организации. Эти эпидемии были свидетельством начавшегося стремительного вырождения. Достигнув

в своей эволюции высшей возможной точки, человечество теперь стало на путь быстрого регресса. Это было начало конца целой эпохи в истории. Мир должен скатиться, как бывало уже не раз, до состояния варварства, чтобы затем снова начать восхождение. К этим выводам приходили, вспоминая кстати и некстати всех писателей, высказывавших мысли о том, что человечество идет к закату, что история его заключается в ряде повторяющихся циклов прогрессирующих и затем вырождающихся цивилизаций. Надо сказать, что это мнение нашло себе место главным образом в Западной Европе. У нас же на почве трезвой и бодрой гражданственности, пропитанной духом энергии, эти грустные предсказания не находили твердой почвы.

Особенно в Москве, где я был в то время, группа ученых, очень заинтересовавшись этим вопросом, командировала двух известных невропатологов на место событий для исследований и внимательно следила за всем происходившим.

Здесь господствовала совершенно другая теория. Указывали прежде всего на то, что массовые психические заразы вовсе не есть что-либо специфически свойственное нашему времени. На всем протяжении истории можно было указать ряд таких же движений, вспыхивавших то там, то здесь и распространявшихся на гораздо большие области, чем те, о которых шла речь. Одной из таких наиболее интенсивных эпидемий была эпоха крестовых походов, которая, несомненно, носила на себе характер коллективного помешательства, охватившего чрезвычайно обширные группы. Вспоминали эпидемии в Западной Европе в XIII веке, в виде движений флагеллянтов, толп фанатиков, обуянных острым религиозным экстазом, бичевавших себя на улицах города кожаными плетями до кровавых рубцов на теле. Указывали на манию демонофобии, стоившей Европе сотен тысяч сожженных на кострах колдунов, ведьм и еретиков.

Наконец, и в новое время можно было вспомнить целый ряд массовых душевных заболеваний различного характера, начиная от многих финансовых горячек XIX и XX столетий, спекулятивного безумия, охватившего Францию в начале XVIII века вокруг образованной знаменитым Джоном Лоу Миссиссипской компании, приведшей к государственному банкротству, и кончая религиозными маниями XIX века.

Последние были особенно интересны тем, что местом их была именно Америка и даже приблизительно те же области и пункты, которые были отмечены и в нынешних удивительных событиях.

Знаменитые «Кентуккские возрождения» в самом начале XIX века и «Миллеровская мания» около половины того же столетия были яркими примерами таких движений, когда люди, во власти экстаза, огромными толпами собирались на многотысячные митинги и там в страшном возбуждении переходили от молитв к иступленным припадкам с конвульсиями и корчами. Таких примеров приводилось десятки, и из них было видно, что душевные эпидемии вовсе не свидетельствуют о вырождении расы, и что причину их надо искать в чем-то другом.

Эта группа ученых и указывала причину в связи с отражением в сознании людей ожесточенных классовых антагонизмов, особенно обострившихся в наше время, время страшной нервной напряженности, с ними связанной и находящей исход в таких периодических взрывах.

Одно обстоятельство, однако, приводило в недоумение сторонников как одного, так и другого лагеря, — это странная ограниченность этих эпидемий по месту и времени.

Все они начинались совершенно внезапно и так же внезапно кончались, оставляя следы в виде продолжавшихся однородных с ними заболеваний у наиболее нервных натур, но лишь в виде единичных случаев; массовое же возбуждение в общем прекращалось резко и внезапно.

То же было и по отношению к области, охваченной эпидемией; она ограничивалась сравнительно небольшим пространством, и достаточно было уйти за ее пределы, чтобы освободиться от общего состояния. И наоборот: лишь только здоровый человек попадал в определенную зону, — он неизменно подвергался господствовавшей мании.

Эти странные обстоятельства сбивали с толку всех исследователей и заставляли их, в конце концов, признаться в бессилии решить поставленную перед ними задачу.

Я, слушая и читая все эти споры, путался в противоречиях и не мог прийти ни к какому выводу.

Впрочем, вскоре эти случаи душевных массовых расстройств прекратились так же внезапно, как и возникли, а вместе с ними прекратилась и словесная война, загоревшаяся вокруг них.